

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ УКРАИНСКИМЪ
МЕЛОДІЯМЪ.

RECAPITULATION

OF THE PROCEEDINGS

OF THE COURT

КНИГА I.

Прежде чѣмъ начну примѣчанія къ Мелодіямъ, выпишу здѣсь для любопытныхъ спашью изъ Шерера, названную: *De quelques coutumes des Cosaques Saporogues et des Cosaques de la Petite-Russie*. Она покажешь намъ, съ какой почки зрѣнія глядѣшь многіе путешественники на спраны ими посѣщаемыя, и какъ они довѣрчивы къ разсказамъ шалуновъ, которые ихъ дурачашь. (Томъ I-й, стр. 95.)

» Козаки Запорожскіе носили знакомъ опличительнымъ: хвостъ на макушкѣ головъ пошциной почти съ шрубочку пера. Эшотъ хвостъ назывался по ихнему Шюбрю (Schubru), и они придавали ему шакую важность, что если козакъ вырывалъ его у другаго, шо плашилъ за шо пять рублей.»

Что у насъ слова Шюбрю нѣтъ, въ шомъ я твердо увѣренъ; Шереръ, какъ кажешся, не попалъ на наши два слова Чубъ и Чуприна, и если кшо другу другу чуприну выскубишь ш: е: вырвешъ, шо плашишь пеню не за важность посрамленной чуприны, а за боль учиненную козацей головѣ.

»Дѣвушки низкаго происхожденія носятъ , въ Малороссіи , косичьки сверху головы заплеценныя , какъ въ иныхъ мѣстахъ въ Германіи , а высшаго класса переплешаютъ косы леншми , и не употребляютъ ни пудры , ни помады , спускаютъ ихъ на спину.»

И этого я не зналъ до сихъ поръ : я всегда полагалъ , что та изъ дѣвушекъ , которая въ состояніи купишь леншъ , носишь ихъ по праздникамъ , безъ всякаго желанія леншми различаешь званія . Можно бы думать , что онъ говоритъ о дворянкахъ и крестьянкахъ : но какъ книга его издана въ 1788 году , то вѣроятно , что его кто нибудь въ этомъ въ шутку увѣрилъ . И какъ странно для сочинителя сказать , что наши крестьянки не носятъ ни пудры , ни помады ; я думаю , что шже дѣлаютъ *Perette* или *Marinette* .

» Когда какая нибудь Малороссіянка влюбится въ молодого человека , она идетъ къ его роднымъ ; и входя говоритъ : *Помогай Богъ !* ш : е : Богъ помочь ! Это привѣтствіе всегда у нихъ употребляемое , коль скоро входятъ они къ кому либо . Потомъ она садится , и обращаясь къ любовнику , такимъ образомъ изъясняется : Твань ! (ш . е : Иванъ , Федоръ , или другое какое крестное имя) , добротѣ написанная на швомъ лицѣ мнѣ порукою , что ты съумѣешь хорошо управиться съ швоей женой и будешь любишь ее ; а добродѣтель швоя даетъ мнѣ надежду , что ты будешь хорошій *господарь* , ш : е :

мужъ или господинъ (замѣчайте знаніе Малороссійскаго языка). За такія добрыя качества я рѣшилась просить покорнѣйше, чѣмъ ты меня взялъ себѣ женою (каково краснорѣчіе?) Послѣ того она шже самое говоритъ ошцу и матери молодого человека. Если станушь извиняшься и ошказываешь, она говоритъ, что не выйдешь ошпуда, пока не женишься на ней предмѣтъ любви ея; иногда родилели устаивають въ ошказѣ: но если дѣвушка настойчива и имѣетъ шерпѣные ошавашься шамъ нѣскольکو дней или недѣль, то они не только соглашаються, но часто уговорять и сына на шакое супружество. Впрочемъ и молодой человекъ видя посшоянство дѣвушки, обыкновенно разчувстввуешься, и привыкаетъ къ мысли жениться на ней. И шакъ Украинскія крешьянки не могутъ бышь долго не надѣленными по своему желанію, если онѣ немного посшоянны. Онѣ не боясь бышь выгнанными изъ дому своихъ любовниковъ. Родные не сдѣлають шакого насилія, опасаясь подвергнуться небесному гнѣву и какому нибудь нещасію. Къ шому-же эшо было бы важной обидой семейству дѣвушки.»

Не имѣя описаній Малороссіи лучшихъ, чѣмъ Шереровское, многіе меня спрашивали; справедливъ-ли онѣ. Теперь я ошвѣчаю: у насъ дѣвушки съ мужчинами знакомяться на посидѣлкахъ, которые въ Украинѣ называются *Досвитки*; шакже въ хороводахъ весеннихъ, описанныхъ мною въ примѣчаніи къ Веснян-

кѣ, или на *вечерницахъ*, ш: е: въ собраніяхъ довольно шумныхъ и пріятныхъ для крестьянъ, подобныхъ господскимъ вечеринкамъ. Мало по малу познакомясь, молодой челоѣкъ спарается нравиться, заискиваетъ, дѣлается полнымъ угодникомъ своей красавицы, наконецъ подсылаетъ сваю, и женился, если не откажутъ.

Страницы 98-й я не переведу, но сознаваясь въ ея истинѣ, предлагаю любопытнымъ видѣть въ изданіи Парижскомъ Шерера, 1788-го года.

» Иногда владѣлецъ села заставляетъ крестьянъ танцовать передъ своимъ замкомъ и танцуетъ съ ними самъ, и жена его и дѣти его. Теперь должно замѣтить, что большею частью селы Украйны окружены густыми порубьями, въ которыхъ прячутся крестьяне лѣтомъ, когда они боясь набѣговъ Татаръ. Хотя эти крестьяне рабы, они искони имѣютъ право, танцуя увезти дѣвушку, хотя бы она была дочь самого владѣльца, лишь бы только это похищеніе было искусное: а не то они погибли. Тогда уводятъ они свою добычу и прячутся въ густотѣ сосѣднихъ кустарниковъ. Если ихъ не найдутъ въ продолженіи 24-хъ часовъ, имъ прощается похищеніе, и они могутъ жениться на дѣвукѣ съ ея согласіемъ; но если до двадцати четьрехъ часовъ они пойманы, то долой имъ голову безъ всякаго суда и управы. »

Здѣсь я вижу много того, что для меня до сихъ поръ было совершенною тайною покровищемъ: 1-е что я долженъ танцовашъ со всею моею фамиліею въ толпѣ крестьянъ; 2-е что крестьяне наши бояся набѣговъ Татарскихъ; 3-е что они могутъ похищать дочерей своихъ помѣщиковъ и женишься на нихъ; 4-е что помѣщикъ Украинскій имѣетъ право даровашъ жизнь и смерть безъ всякой на то управы, кромѣ согласуясь съ волею своею. И замѣчайте, что Шереръ все это сдѣлалъ въ настоящемъ и пишешь въ 1788 году. Замѣшьте и то, что Шереръ былъ Членъ многихъ Академій, Совѣтникъ Спразбургскаго Сецаша, Юрисъ-Консулъ Императорской С. П. Бургской Коллегіи Лифляндскихъ, Естляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ. Далѣе:

» Понедѣльникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, рано по утру холостые молодые люди хватаютъ всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ повстрѣчаютъ, подводятъ къ колодезю и на годову имъ выливаютъ пашъ или шестъ вѣдеръ воды; эта шалость только до полдня позволительна. Слѣдующій вторникъ дѣвушки имъ оплачиваютъ, но берутся гораздо ловче за это: многія изъ нихъ прячутся въ избу, запасшись каждая кружкой воды; у дверей спорожатъ маленькая дѣвочка, и коль скоро проходитъ молодой человѣкъ, то даетъ знать шопъ часъ-же. Тутъ всѣ дѣвушки вдругъ выбѣгаютъ, хватаютъ его съ крикомъ, двѣ или три, которыя посильнѣе, держатъ

его; сосѣдки сбѣгутся, и бѣднякъ съ ногъ до головы облишъ водою.

»Женашые имѣють другія забавы въ пошъ-же Понедѣльникъ. Они сполпившись, еще съ ушра идущъ къ помѣщику и приносятъ цыпленковъ или другихъ пшицъ для стола; изъ благодарности онъ ихъ угощаешъ водкою: выкапашъ бочку и пославашъ посреди двора, и крестьяне окружають ее. Тогда помѣщикъ берешъ суповую ложку, наполняешъ ее водкою, пьешъ, передаетъ старшему, кошорый выпивши, въ свою очередь передаетъ ее далѣ, изъ рукъ въ руки до конца, пошомъ ояшъ съ-изнова начинають и продолженіе впредь, пока не осушишъ бочка. Если она осушена до вечера, шо помѣщикъ долженъ выкашишъ другую, кошорую выпивають шѣмъ же порядкомъ что и первую, ибо помѣщикъ долженъ угощашъ крестьянъ до захожденія солнца; а какъ солнце сядешъ, ударяшъ решираду. Кшо посиленѣй, домой дойдешъ; другіе спяшъ подъ чистымъ небомъ и спятъ, пока проснутя. Многіе спали такимъ образомъ болѣе двадцати чешырехъ часовъ.»

Я воображаю Юрисконсульта, сидящаго важно за сочиненіемъ, названнымъ : *Лѣшописъ Малороссіи*. Приходишъ какой нибудь весельчакъ. Ah! ça, mon cher! я заняшъ важнымъ дѣломъ: я пишу *Лѣшописъ Малороссіи*; не знаете ли вы какихъ нибудь обычаевъ эшой ешороны? Эшо любопышно; надобно, чшобъ объемъ эшой книги былъ полонъ, чшобъ ничего не

было пропущено мною.—И шотъ ему начинаешъ также важно рассказывать; сурьезная ми́на рассказчика, еще сурьезнѣе ми́на Историка и Правовѣдца, должны-бъ бытъ прелестны для живописца. Наконецъ дошло до того, какъ кресъяне похищаютъ дочерей помѣщичьихъ, — Oh! les Barbares! надобно записать. Доходишь дѣло до кувшиновъ воды и до облипыхъ дѣвушекъ.—Diable! mais comme c'est drôle, ceci! надобно записать. Теперь уже говоряшь, что наши кресъяне спятъ покуда не пробудятся, и Шереръ удивляется и пишешь. И явилась книга: *Annales de la Petite-Russie*.

Что-же выйдетъ послѣ? Европа читаетъ и хочетъ; у нашихъ Русскихъ путешественниковъ почтенные, благовоспитанные Иностранцы спрашиваютъ: правда-ли, что ешь масло и сливки въ Россіи? На ушвердительной опвѣтъ они опвѣчаютъ удивительнымъ вопросомъ: *Mais comment ça se fait-il donc? Vous qui n'avez point de vaches vous n'avez que les Korow en Sibirie?* Я здѣсь привожу истинный анекдотъ. Но будемъ продолжать нашего Шерера.

»Въ Малороссіи, когда дѣвушка родитъ, ее при-суждаютъ бытъ къ дверямъ церкви волосами при-вязанною, и проходящіе ругаютъ ее и плюютъ ей въ лицо.

»Когда замужня женщина обличена въ преступленіи противу обязанностей супружескихъ, ее зарывають въ землю живую по горло, и осматываютъ въ

шакомъ положеніи умереть ошъ голода и жажды. Эша казнь упошреблялась прежде и въ Великоросіи, но нынѣ не сущесивуешь.»

Эшого не къ чему опшвергать: у насъ съ шѣхъ поръ какъ поспои завелись по селамъ, шо и другое прешупленія спали часшы, но ни шого ни другаго наказанія вспрѣчашъ мяѣ не случалось. Я полагаю, что эша мысль пришла Шереру въ голову при видѣ Іоанна Многоспрадальнаго, въ Кіевскихъ пещерахъ споящаго въ землѣ по поясъ, о кошоромъ говоряшъ, что когда онъ скроешся съ головою, шо даже и слѣду города не ошпаненся. Слѣдующія чешыре спрочки я процуцу.

» Если козакъ имѣлъ злосшъ убишъ козака съ намѣреніемъ (*хотя* впрочемъ не лзя имѣшъ злосши безъ намѣренія), шо его клали подъ шрушъ убишаго, и ихъ зарывали обошхъ вмѣспѣ.»

Здѣсь самъ Шереръ оговариваешся, что обыкновеніе эшо не сущесивуешь болѣе въ Малоросіи.

» Въ Малоросіи, возлѣ каждой церкви, безъ исключенія, ешъ родъ больницы или гошпипаль, въ кошоромъ истинные нищіе и не могушіе добывашъ пропитанія содержашся на щешъ церкви по мѣрѣ ея возмощностей.

Уваженіе и почитаніе къ шарикамъ ешъ первой урокъ молодымъ людямъ: неоспоримое доказашельство, что эшо правленіе производишъ ошъ правленія Патріархальнаго.

» Госпепрімство въ обычаѣ во всей Малороссіи, и спранникъ шамъ пушешесивуетъ безъ издержекъ на кварширу и пишу.»

Первое примѣчаніе справедливо; не знаю, съ какихъ поръ заведеніе такое учредилось, но польза его заставляешь и теперь его поддерживать, хотя впрочемъ не вездѣ. Чшо касаешся до уваженія къ спарикамъ, я самъ былъ свидѣтелемъ спорога исполненія такого правила не одинъ разъ; въ спорахъ, въ шяжбахъ крестьянскихъ почти всегда спарикамъ предоспавляютъ рѣшеніе; въ Кіевской Губерніи, недалеко ошъ Канева, въ селѣ Мошнахъ, и теперь еще при спарика, избранные народомъ, шворяшъ судъ и расправу всенародно на площади; и въ одномъ изъ шакихъ случаевъ я переѣздомъ при-сущспвовалъ. Одно чего не знаю: точно ли эшо еспъ доказательство, чшо въ Малороссіи было прежде правленіе Пашріархальное; Римляне имѣли къ спарикамъ шже уваженіе; я думаю, чшо эшо скорѣе принадлежность Республиканскаго и непремѣнно Демокрашическаго правленія. Госпепрімство шакже еспъ принадлежность народа богашаго на произведенія земли и бѣднаго на деньги; не зная цѣны денегъ и имѣя съ излишесшвомъ хлѣбъ и скошоводство, они удѣляютъ пушешесшвеннику: ибо накормишь пару лошадей и одного, двухъ человекъ въ Украинѣ не шрудно. Эшо шакже добродѣтель народовъ мало посѣщаемыхъ; коль скоро чаще шшано-

вялся проѣзды, для крещянина дѣлаются тяжель угощенія. Теперешнія большія дороги и постои ослабили эшу добродѣшель. Послѣдніе вообще вредны для жишелей: люди холосшыс, кошорымъ однакожь невыгодно женишся, развращаюшъ женщинъ; сборъ людей, изъ кошорыхъ многіе ошданы помѣщиками за воровство, за буйство и за пьянство, поселяешъ склонность къ эшимъ порокамъ и общую недовѣрчивость; на конецъ неугомонность госня уничтожаешъ коренную добродѣшель: гостепріимство. Съ удовольствіемъ могу сказать, что хотя оно шеперь существуешъ у насъ не въ столь сильномъ градушъ, но осталось еще отъ прошлаго поколѣнія. Въ 1827 году я ѣхалъ въ Кіевъ съ моимъ однимъ пріятелемъ. Въ селѣ *Бассани* я началъ было рашешъ за кормъ лошадей и слугъ нашихъ, шакъ же какъ и за нашъ ночлегъ и ужинъ. » На что мнѣ деньги?» ошвѣчалъ хозяинъ, » развѣ мнѣ Богъ далъ домъ и хлѣбъ для того, чтобъ я спалъ и ѣлъ одинъ ни съ кѣмъ не дѣлившись: мнѣ денегъ не нужно.»—Не смошря на мою наспойчивость, я уѣхалъ не заплачившись, и уже на возвращномъ пуши привезъ шарику шолстаго синяго сукна, а его дочери леншъ въ подарокъ.

»У Запорожцевъ курени были всегда ошкрышы. Пушешеншвеникъ или Иностранецъ могъ взойши и найши съѣшное, хотя бы въ курени никого не нашелъ. Если-бы онъ все съѣлъ, ему даже попреку за то не было-бъ. Но унесшъ съ собою онъ и емогъ ни

чего, не подвергнувшись величайшимъ наказаніямъ ,
ибо считали священнымъ закономъ правило, чшобъ
въ курени было все въ безопасности.»

Шерерь справедливъ, поставя все это въ прошед-
шемъ времени ; и въ слѣдующемъ онъ справедливъ
также, съ небольшими только измѣненіями.

»Опъ сего начала , строго исполняемаго , произ-
шекаль обычай такой , что кто найдетъ пошерян-
ное въ Съчи, долженъ привязать найденное къ высо-
кому столбу на три дни ; если въ три дни ни кто
не объявитъ вещи своею, она принадлежишь тому,
кто найдетъ. Если же онъ завладѣлъ ею не выявляя,
и откроятъ такой поступокъ, то его самого на
площади къ столбу привяжутъ и положатъ кучу
прусьевъ возлѣ него ; проходящій долженъ взять
прусь и дать ему три удара ; если бы и первый
ударъ былъ смертельнымъ (я не понимаю, какъ пер-
вой ударъ пруса можешь быть смертельнымъ), то
ни кто слова не скажетъ, а только рукоплескають.
Послѣ ударовъ подають наказанному спаканъ водки,
которой держутъ возлѣ, и приговаривають: *Бей вра-
же синъ* , то е: Пей, собачій сынъ. »

Хорошъ переводъ и хорошъ текстъ; это: *Пыкъ*,
вражій сыне! наше; перевода для Рускихъ не нужно.

» Если Запорожець оставлялъ курень безъ возвра-
ту, онъ шерялъ имя Запорожца, а получалъ имя
Пайдамакъ ш: е: Разбойникъ.»

Для меня чрезвычайно странно ослиное упрямство многих Иноспрапцовъ въ коверканьи словъ Русскихъ. *Кзаровигъ* несравненно шруднѣе Царевича; *Пайдамакъ* ни мало не легче Гайдамака; Коньякъ, Пибракъ, Тильякъ, Трушру —могушь ли бышь гнустѣе звуки? И Французы произносятъ ихъ. Почему не произнеси Русскаго слова, какъ должно? Какъ бы оно ни было неблагозвучно, варварство звуковъ не дойдешь до Трушру.

» Въ предоспереженіе ошъ вшей, Запорожцы вар (ли) рыбу называемую *Сетрина* (*Осетрина*), которая очень жирна; коль скоро жиръ начиналъ всплывать, шомъ кто варилъ рыбу, обмакивалъ рубаху новую, и оставлялъ пока она наполнилась жиромъ, потомъ надѣвалъ ее и не скидалъ до шѣхъ поръ, пока не изнаосишься.»

Это только дѣлають *гумаки* ш: е: ходящіе за рыбой на Донъ и въ Крымъ за солью, ибо не будучи въ состояніи много браться бѣлья, они должны взявъ предосторожности какъ ошъ болѣзней, такъ и ошъ неопытности, а потому иные обмакивають бѣлье въ рыбій жиръ, другіе въ воду остающуюся послѣ варенія дегтю; а ешь которые не имѣя ни шого ни другаго, обмакивають въ чистой деготш и шогда уже опшравляються въ эшу продолжительную дорогу.

» Запорожцы и Украинскіе козаки имѣють обычай насыпать *курганы* или холмы, и погребать шамъ

отличившихся ; если же кто умеръ сражаясь за отечество , ему возвышали такой же памятникъ , хотя-бы шло его не было найдено. Еще и теперь видно множесство кургановъ въ Очаковскихъ и Крымскихъ степяхъ (*гдѣ не жили Малороссіане*). Турки и Татары сохранили сей обычай, а Поляки его бросили.»

Такіе курганы большею частью оспались отъ Шведскихъ побойщъ , отъ Крымскихъ набѣговъ , иные-же можно полагать оспашками Башня и даже Печенѣговъ ; возлѣ Переяслава , ѣдучи отъ Прилуки , надъ дорогою по обѣимъ сторонамъ вы видѣли безчисленное множесство холмовъ , очевидныхъ оспашковъ великаго нашествія Ташаръ ; въ иныхъ находяшъ стрелы , шпоры , удила , клинки оружія , яшмовые рукоятки кинжаловъ : шѣ ясно показывающъ свое происхожденіе ; въ другихъ находяшъ кувшины и фляги. Это доказываетъ , что и Шереръ ошчаспи правъ ; и въ шарину было такое обыкновеніе , что у головы мертвеца ставили сосудъ съ напшкомъ. Такимъ образомъ еще недавно найдень былъ небольшой сосудъ стекляннй въ могилѣ , возлѣ волосъ неислѣвшихъ ; въ сосудѣ крѣпко закупоренномъ была просшая хлѣбная водка , но усилившаяся и пожелѣвшая отъ времени ; шущъ же нашли и надпись , которая начиналась сими словами: *Здѣсь лежитъ Попа* ; далѣе шѣршо. Иные курганы сущъ оспашки укрѣплений , другіе оспашки валовъ , ошдѣлявшихъ Малороссійскіе полки и

разрыпыхъ хлѣбопашествомъ. Одинъ таковой, въ цѣлости сохранившійся, можно видѣть недалеко отъ Переяслава, не доѣзжая до кургановъ.

»Никакой народъ не знаетъ такой умѣренности въ ссорахъ, какъ Малороссіяне; тамъ пияжущіеся спокойно ложатся на одну шельгу, пьютъ, ѣдятъ и спятъ вмѣстѣ, хоша-бъ имъ было 300 верстъ пути къ Судѣ; когда-же пріѣдутъ къ нему, каждой представляешь причины ссоры и начинаютъ пиябу. Такое поведеніе по справедливости доказываетъ ихъ уваженіе къ законамъ, равнымъ образомъ неподкупность и правоту Судей.»

Тоска о Золотомъ вѣкѣ заславляетъ добраго Шерера перенесши Золотой вѣкъ къ намъ въ Малороссію; дружба и шоварищество пияжущихся, умѣренность въ неподкупности Судей, а болѣе всего такая даль отъ всего того, что насъ судитъ и рядитъ, шасуя по волѣ благодѣтельные постановленія Правительсва, — это неслыханное щастіе. Какъ жаль, что мы имъ не пользуемся! У насъ господа Судьи не далѣе пятидесяти верстъ отъ каждаго, а Засѣдатели еще ближе, и я не знаю ничего столь жаднаго къ деньгамъ, столь продажнаго, столь крючкотворнаго, какъ эти существа. Никакія благонамѣренные и спровергающія мѣры, принимаемыя ежедневно Правительствомъ, никакая гроза законовъ не удерживаетъ ихъ отъ этого стремленія: спашитъ полушку съ живаго и съ мертваго. Я говорю не о всѣхъ, я

не генерализирую, я только говорю о большей части; стихотворения нашего соотечественника Акима Нахимова доспащочны, чѣмъ дашь полное понятие объ этомъ классѣ народа, безъ котораго, къ несчастію, ни въ какой странѣ нельзя обойтись какъ безъ пивовокъ.

» Въ старину въ Малороссіи не знали Лѣкарей. Ихъ мѣсто занимали старухи, которыя столь сильны были въ Бошаникѣ и въ знаніи качествъ каждаго растѣнія, что излѣчивали всякаго рода болѣзни простыми средствами и съ величайшимъ успѣхомъ. Но онѣ же, столь полезныя своимъ искусствомъ, иногда его употребляли на вредъ тому, кого не влюбляли.»

Я былъ почти свидѣтелемъ подобнаго произшествія: одна старуха, но не по ненависти, а по неоспорожности, задушила одного ребенка въ бочкѣ посредствомъ фюмигаціи.

» Когда козаки въ лихорадкѣ, они употребляютъ ползаряда пороху, распущенаго въ хлѣбномъ винѣ; выпизъ эту смѣсь, они ложатся, засыпаютъ и вспаютъ здоровыми. Другіе употребляютъ золу вмѣсто пороху.»

А всѣ употребляютъ соль и селитру вмѣсто золы и пороху.

» Когда козакъ раненъ и далеко отъ пособій, онъ возьмешь земли, положишь на ладонь, поплюешь, разопрешь и къ ранѣ приложишь.»

Предоставляю Медико-Хирургической Академіи узнать, хорошо ли козакъ дѣлаешь.

» Когда Малороссіянне дерутся, то это всегда кулаками, а не оспрымъ оружіемъ.»—Тутъ Шереръ рассказываетъ о докладѣ Теплова и Елагина, для насъ постороннемъ.

» Когда казаки въ пущи, они обсаиваютъ себя пѣлегами и споль бывають сильны за этимъ подвижнымъ репраншаменшомъ, называемымъ *Таборъ*, и необходимымъ въ пущыняхъ, гдѣ бввають всегда набѣги Ташаръ, — что 1000 козакѣвъ устайвають противу 6000 невѣрныхъ, которые, не сходя съ лошадей, оспанаиваемы рвомъ или малѣйшею преградю. Это шрудно было бы во всякой другой спранѣ, чшобъ войско шло посреди пѣлегъ своихъ шакимъ образомъ—но это спрана, кошорой нѣтъ ровнѣ въ мірѣ.»

Такимъ образомъ и шеперь мы еще не ограждены отъ Ташаръ! Такимъ образомъ пишушь Испорію и характеристикшику цѣлаго народа! и мы должны ее чипашъ, ибо она полнѣ прочихъ, кошорыхъ всѣхъ двѣ или шри. Я помню одного пущешешвен-

ника, который нашел лошадей особенной Русской породы под именемъ *Cognac*, т. е: коняка. Я принужденнымъ нашелся выписатьъ эту статью, что бы въ то же время, въ своихъ къ ней примѣчаніяхъ, выказать нѣсколько нравы и обычаи Малороссійскихъ жителей. Мелодіи, я думаю, будутъ успѣшнѣе въ этомъ дѣлѣ.

КНИГА I.

Мелодія 1-я. *Сонъ трава.*

Есть трава, которая по лѣсамъ цвѣтеть въ Маѣ мѣсяцѣ, цвѣтъ имѣетъ темноглубой, а иногда желтой; здѣсь зовутъ ее *Сонъ трава* и приписываютъ силу пророческую (*Anemone pulsatilla.*)

Гетьманское кладбище извѣстно только по преданіямъ. Я перемѣнилъ эту сирокку прошивъ напечатаннаго въ 11-мъ номерѣ Московскаго Телеграфа на 1829 годъ; тамъ было поставлено:

Съ Чигиринскаго кладбища.

Но я ошибся тогда и теперь ставлю истинное названіе мѣста.

Мелодія 2-я. *Вѣдьма.*

Какъ на гробницѣ долго остаются слова вычеканенныя рукою художника и переживаютъ даже моги-

лу, которая поддерживает камень, пока земля подышяжесшью его не обрушится: шакъ остатки суевѣрій долго сохраняются, хотя вѣра ихъ поддерживавшая давно погибла. Гдѣ же могло оспашься болѣе суевѣрій, какъ не въ Кіевѣ? Кіевъ, колыбель Христіанства, гробница идолопоклонства, корень Россіи, свидѣтель великихъ дѣлъ, жилище Владиміра и его Вишазей, шеперь жилище усопшихъ и мучениковъ—Кіевъ и чудесами Свяшыхъ и чудесами древноспи располагаетъ умъ народа къ чудесному. Мрачный боръ, грозный Днѣпръ, нагія горы, безбрежное проспранство лѣсовъ и полей, картина Подола, Кіевопечерская Лавра—все это восхищая, живишь воображеніе и пошому-шо, бышь можешь, онъ и до сихъ поръ оспаешся мѣшопребываніемъ Великановъ, Лѣшихъ, Домовыхъ и Вѣдьмъ. Спрахы, производимые частыми разбоями въ бору Кіевскомъ, еще увеличиваются при воспоминаніи, что тамъ жилище вѣдьмъ. Бышь можешь, что и спрашилицыя богомолки, которыя шуда изъ Колы, Томска и Аспрахани сходяшся десяшками шысячъ, усиливаютъ мнѣніе о частыхъ сходьбищахъ этихъ колдуней.

Чтобъ показашъ мнѣніе Малороссіянъ о Кіевскихъ лѣсахъ, я приведу здѣсь описаніе Муромскихъ лѣсовъ, сдѣланное однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэшовъ:

Жилище вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

Въспрана възрыдала,
 Когда, опомнившись, узнала,
 Куда поналася она;
 Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
 Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна
 Сквозь чернаго ея покрова не мелькали.

Все спать!

Лишь воешь въшрь, лишь кусшь шумишь,
 Да изъ дупла въ дупло сова перелезаетъ,
 И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
 Сиротка думаешь: иди-ли ей иль нѣтъ?
 И ждешь, когда луны забрезжитъ блѣдный свѣтъ?
 Но эшо часъ воровъ! И шакъ она рѣшилась
 Не мѣшкая иди; и шакъ перекрестилась,
 Вздохнула и пошла по вязкому песку
 Со страхомъ и шоскою;

Блѣднѣешь и дрожишь, лишь спустишь шагъ ногою;
 Тамъ предвѣщаешь ей послѣдній часъ: куки!
 Тамъ львій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
 То слышишься ау; шо вспыхнулъ огонёкъ;
 То вѣдма кошкою бросается съ дороги;
 Иль кпо-шо скрылся за пенёкъ;
 То по лѣсу раздался хохотъ,
 То вой волковъ, шо конскій шопотъ.

Такъ называемая *Лылая Гора*, ибо она спощь
 безъ шравы какъ ошовъ безъ шѣла, естѣ мѣсно
 общаго собранія вѣдмъ; шравы тамъ нѣтъ не по
 шому, чшо знойной песокъ жжетъ корни всякаго рѣ-
 спѣтня, но пошому, чшо вѣдмы ѣзда по горѣ, спш-
 рають всѣ росшки, всѣ корешки, кошорые вздума-
 ютъ тамъ показаться. Я описалъ ихъ заняшя, но
 не посшавилъ въ спшхахъ каковъ эшпажъ ихъ когда

онѣ ужъ отпраляюся въ эту дорогу; вопѣ онѣ на помелѣ (ш: е: на мешлѣ), либо на *вилкахъ* (ш: е: на ухвастѣ). Еще не объявилъ я, что должно онѣ вѣдьмѣ сберегать звѣзды, ибо онѣ снимаютъ ихъ съ неба и прячутъ.

Вѣдьма всегда ходитъ въ бѣломъ, ее нельзя никакъ оплечить онѣ женщины простой, она оборачивается во что хочешь: любимое превращенье для ней въ кошку; есть еще примѣта вѣдьмы, но эту примѣту трудно видѣть: это маленькой хвостикъ, кошорой шакъ же быспро движется, какъ у козы.

Передъ смертью вѣдьмы, можно навѣрно узнать о ея вѣдѣмствѣ, по долгимъ мученьямъ мною описаннымъ; для того чтобы спасти ее онѣ мученій и ускорить смерть, стоишь только сорвать мастицу или перекладину пополамъ. Это испытанное средство.

»*Ищутъ тирлигъ.*» Тирличъ есть шрава; но какъ *Линней* и *Жюзе* еще не знаютъ этого прекраснаго растѣнія, шо я шакже могу не знать его, шѣмъ болѣе, что я не бошаникъ; извѣстно мнѣ однакожь, что вѣдьмы намираются подъ мышками сокомъ ширлица, для большей удачи въ колдовствѣ.

Мелод. 4-я. *Платки на козацкихъ крестахъ.*

Это одно изъ обыкновеній Малороссійскихъ козаковъ, чтобъ на крестахъ козацкихъ вѣшались плашки, для различія козака съ казеннымъ или помѣщичьимъ крестьяниномъ. Ибо козаки гордясь своимъ званіемъ.

Спранное чувство производить видъ эшихъ знаменъ.

Мелодія 6-я. *Чаровница.*

Чаровница отъ слова *гары*, ш: е: Волшебница.

» Около него былъ очерченъ кругъ, въ ногѣхъ у колдуна сидѣла огромная черная жаба, выпуча большіе зеленые глаза; а за кругомъ кипѣлъ и вился клубами всякій гадъ: и ужи, и змѣи, и ящерицы. По сучьямъ деревьевъ качались большіе нешопыри, а филины, совы и девятишмерты дремали на верхушкамъ и между листьями.» (*Байскій. Изъ Подсѣжн. на 1829 годъ, стр. 71*).

Тѣже Ассесоры присудствуютъ и возлѣ Чаровницы, какъ описалъ я въ четвертой спрофѣ моей Мелодіи.

Волшебницы есть во всѣхъ спранахъ, но иногда бывающъ онѣ очень милы.

Вотъ вамъ Волшебница Г-на Подолинскаго:

Цвѣтѣшь она розой, лепишь мотылькомъ,
 Въ дубровахъ, въ долинахъ поешь соловьемъ,
 Могучей пятою колеблешь гранитъ,
 И брызгами въ пропасть съ утеса лепишь;
 Изъ сновъ разеиваешь блестящую цѣпь,
 Дыханьемъ волнуешь песчаную степь,
 Сливаєшь свой голосъ съ напѣвомъ духовъ,
 И радугой блещешь въ дыму облаковъ;
 Надъ бездной воздушный чертогъ создаешь,
 Къ ночлегу прохожихъ лукаво зовешь;
 Когда-жъ легковѣрный приблизится къ ней,
 Обманушны блескомъ невѣрныхъ лучей,—
 Волшебница пропасть разверзнетъ жезломъ
 И съ хохотомъ шовнеть въ шуманъ ночномъ.

Найдемъ ли мы прелестнѣе и блестяще описаніе Волшебницы! Тутъ каждой стихъ горитъ вдохновеніемъ и все вмѣстѣ плѣняетъ цѣлостію, полною и изящностію картины. По первымъ чешыремъ стихамъ я думалъ, что подъ именемъ Волшебницы, сочинитель аллегорически описываетъ намъ первую и прекраснѣйшую въ мірѣ волшебницу: Природу. Ибо она цвѣтѣетъ розой, летаетъ бабочкой, поетъ соловьемъ, громомъ колеблетъ горы, и лепишь водопадомъ съ утесовъ. Но пятая строка мнѣ показала истинный предметъ взятыя Поэмомъ и столь хорошо, столь живописно обрисованный.

Однакожь наши Фен не шакеры. Чаровница всегда гнусна и всегда пугаетъ Малороссіянина.

Хотя это древняя Медея, которая могла останавливать луну и рѣки (см. Dict. de la fable par Chompré), но она не такъ прелестна. Вотъ описаніе нашей Сивиллы въ Енеидѣ Гна Кошляревскаго.

Якъ вышла бабыще сшарая ,
Крива , горбашая , сухая ,
Записнявила вся въ шрамахъ ,
Сида , ряба , беззуба , коса
Росхриспана , простоволоса ,
И якъ въ намысли вся въ жовнахъ .

(Стр. 5. часть III.)

Изд. 1809.

Остается мнѣ здѣсь еще сдѣлать одно замѣчаніе :
Въ четвершой спрощъ я сказала, что пресмыкающіеся

Спогами вьются , въ кругъ ползущъ

И лучъ луны шуманный пьющъ.

Вотъ что доказываешь, что есть такое повѣрье у
Малороссіянъ.

Ты не машы, чорна гдына

Звила сонце, зыжъ и мисяца ,

Зыжъ и зырочки.

ш. е. Ты не машы, шы чорная змѣя, шы съѣла солнце ,
съѣжъ и мѣсяцъ и звѣзды.

(Стр. 42. Малорос. пѣсни. Максимовичъ).

Мелодія 7-я. Бандуристъ.

Здѣсь видно почтеніе, которое Малороссіяне показываютъ Пѣвцамъ великихъ дѣлъ прощцевъ.

Бандура есть родъ гитары, имѣетъ лады какъ и та, но по различію, что спина въ ней не плоская, а круглая. Академическій Словарь говоритъ, что она большею частію о семи струнахъ, на коихъ перстами играютъ. Но она большею частію о двадцати съ лишнимъ струнахъ, хотя впрочемъ на ней никогда не играютъ носомъ. Еще большее сходство имѣютъ съ бандурой *Торбанъ* и Иллирійская *Гузла*.

Серпанка холстъ рѣдкой и шелстой, употребляемый на головную одежду и на занавѣски простымъ народомъ.

Я нѣсколькихъ видалъ пѣвцовъ такихъ, окруженныхъ молодежью и стариками. Всѣ слушали съ восхищеніемъ пѣсни о спаринѣ; слѣпецъ, какъ новой Гомеръ, пѣлъ о годахъ славы, а старушки качали головой, морщились и утирали кулакомъ слезы. Одинъ изъ таковыхъ былъ даже въ одномъ изъ нашихъ имѣній; не давно скончавшись, оставилъ по себѣ многихъ наслѣдниковъ таланта своего, въ различныхъ селахъ, и много передалъ пѣсенъ. Онъ даже завелъ для изувѣченныхъ основъ школы музыки и пѣнія. Для него была бандура его необыкновенною

драгоценностью: это был товарищ его повсюду, гдѣ ни ходилъ; онъ, будучи зажиточнымъ крестьяниномъ, бросилъ все для того, чшобъ пѣть; надобно было видѣть его опчаянье, когда у него украли его бандуру, и слышать жалобы, какія онъ приносилъ въ то время: но скоро онъ получилъ другую, къ которой со временемъ привыкъ какъ и къ прежней.

Мелодія 8-я. Удавленникъ.

Въ примѣчаніи къ 1-й Мелодіи 2-й книги, я хотя мимоходомъ, но кажешся довольно удовлетворительно пояснилъ обычай сжигать палки надъ самоубійцами. Здѣсь предложу примѣчанія къ нѣкоторымъ строкамъ въ особенности.

« Сдѣлалъ крестъ двумя перстами

ш. е. по раскольничьи, а если крестъ благовѣрныхъ на себя положишь, то неудача будетъ въ ш. комъ грѣшномъ поступкѣ.

Четвертая и пятая строфы показываютъ радость злыхъ духовъ при всякомъ несчастіи, случившемся съ нашимъ братомъ человекомъ. Эшошъ балъ чершей всегда бываешъ возлѣ удавленника или зарѣзавшагося, коль скоро только они его увидяшъ невозвратимымъ.

Мелодія 9-я. *Солнце утопленниковъ.*

Солнце утопленниковъ есть луна; при лучахъ нашего солнца имъ было-бъ жарко послѣ подводнаго холода. Они грѣются при мѣсяцѣ (см. *Подснѣжникъ*, 1829. стр. 84).

Мѣсто въ которое я переносу произшествіе, *Каневъ*, есть мѣсто восхищительное видами. Отъ Переслава верстахъ въ 30 надъ Днѣпромъ, имѣешь перевозъ и порядочную Гимназію. Это прежде былъ городъ хорошій и древній; уже въ XI столѣтіи упоминается объ немъ. Не далеко отсюда Екатерина II имѣла свиданіе съ Спаниславомъ Августомъ. Теперь онъ числится мѣстечкомъ Кіевской губерніи, Богуславскаго уѣзда, и спойнѣ при самомъ устьи *Каневки*, впадающей въ Днѣпръ.

Мелодія 10-я. *Воронье кони.*

Стихи курсивомъ напечатанные:

Пыль сѣдую съ нихъ
Смоешь дождь, разчешешь шерны,
Вѣпръ обсушитъ ихъ.

слово въ слово взиты съ Малороссійскаго :

Менѣ, нѣне, змыють дожди,
А росчешуть гусны шерны,
А высушуть буйны вѣпры.

Равнымъ образомъ какъ и стихъ :

Онъ безъ оконъ, безъ дверей

Взяшь изъ другой пѣсни.

Треба дощокъ добуваши
Хоромину будоваши;
Дай три доски кленовыи,
Чешвершую сосновую,
Безъ дверь хаша, безъ выконець, и проч.

т. е. надо доспашь досокъ, домъ спроишь; дай три кленовыя, а чешвершую сосновую, будешь изба безъ дверей и безъ оконъ.

Мелодія 11-я. *Чума въ Києвъ.*

Эта баллада взята изъ преданія, котораго истину ушверждаютъ многіе Кіевляне.

К Н И Г А II.

Мелодія 1-я. *Украина.*

Здѣсь я долженъ буду пояснить только, почему я назвалъ Палія, Наливайку и прочихъ преимущественно. Ихъ имена должны быть особенно пріятны для жишеля Украйны, какъ имена его соопещенниковъ, прославившихъ себя великими подвигами. Войнаровскій довольно извѣстенъ Публикѣ по

стихотворной Поэмѣ, коюрой мысль и имя получили отъ него свое существованіе; при этомъ стихотвореніи находишь и жизнеописаніе его довольно удовлетворительное. Полковникъ *Палій*, уроженецъ Борзенскій, охранялъ Россію и Польшу отъ Татаръ; онъ былъ очень шажель для Буджацкой и Бѣлгородской Орды; однажды онъ полонилъ даже самаго ихъ Султана; Очаковъ много разъ шерпѣлъ отъ Палія, а Бердичевъ и Хвостовъ были свидѣтелями побѣдъ его надъ Поляками. (*Примѣчанія къ Поэмѣ Войнаровскій*, стр. 59). Смерть *Намивайки* описана въ 12-й Мелодіи. *Петръ Конашевъ Сагайдачный* былъ Гешманомъ въ слѣдъ за Намивайкою онъ пошъ же часъ взявъ Турецкой городъ Кафу, освободилъ изъ шемницъ великое число Христіанъ, и ограбивъ его, возвратился съ честью въ Сѣчу. Но великимъ дѣломъ его: былъ походъ подъ Москву. (Scherer, Annales de la Pet. Rus. p. 12. Tome II). Взявъ города Ливни и Елецъ, онъ полонилъ Воеводу Андрея Полсва и Князя Черкаскаго, разбилъ Русскія войска, пошелъ подъ Москву, не смотря на усилія Князя Волконскаго перешелъ черезъ Оку, и въ то время какъ отъ него охраняли Коломну, онъ быстро двинувшись по Каширской дорогѣ, спалъ подъ Донскимъ монастыремъ. Имя Гешмана было шоль ужасно, что войско посланное къ нему, не дошедъ до него и объявляющее паническимъ страхомъ, обратилось въ бѣгство и оставило его дѣйствовать свободно. (*Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго. Томъ I-й*,

стр. 430—432). Довольно забавно видѣшь гримасы любви къ ошечеству дурно понимаемой нашими господами писателями. *Злодѣй Сагайдачный*, говоришь Голиковъ; почему злодѣй? нападеніе его на Москву было до Хмельницкаго, и гораздо прежде, чѣмъ Запорожскій Сѣча просила у Русскаго Царя покровительства. И такъ Конашевичъ нападалъ не на соотечественниковъ : это не подвласный шель прошиву своихъ правителей, это шоль война, Царь избранный народомъ, ибо Гетманъ шотъ же Roi, Круль и Rex. Гетманство тоже правленіе Монархическое избираемое. Какъ не грѣшно этакъ не обдумавши, уничтожать славу великаго челоуѣка, ошнимать свободу дѣйствовать у вольнаго Гетмана; по щастію что онъ умеръ давно уже и ошношенія Голикова не могли ему повредить. О *Хмельницкомъ* говоришь здѣсь не къ чему : онъ можетъ и безъ него обойтиса и бытъ извѣстнымъ ; а *Полуботокъ*, я полагаю знакомъ публикѣ (читающей) по Исторіи Баншыша—Каменскаго (см. *Имя Наказнаго Гетмана Павла Полуботка*). Рѣчь его Петру I-му, напечатанная въ этой Исторіи, и ошисаніе смерти, достойны взгляда челоуѣка кошорому не чуждо великое. « Вскорѣ Петръ и Павелъ спануть на одной доскѣ передъ общимъ Создателемъ. — « Эти слова безбоязненные и пророческія, достойны воспоминанія.

« *Грабили Стамбуль.* » Эта строка должна остановить много незнающаго нашей Исторіи. Но взятіе

Трапезунта и Синопа, равнымъ образомъ какъ и дань взяшая у вращъ Константинополя, будутъ описаны мною въ примѣчаніи къ Мелодіи, названной мною *Федоръ Богданъ*.

Любовь къ именамъ героевъ моей Украйны заставила, бышь можешь, меня съ излишествомъ распространиться на щетъ ихъ подвиговъ; но я не употреблю во зло шерстьїя моихъ чшашелей, прибавя къ Историческимъ примѣчаніямъ одно Бошаническое. Говоря, что сочной персикъ и абрикозы ароматы льюшь, я ихъ въ шомъ завѣрю, что съ нѣкошорыхъ поръ и крестьяне зажиточные сшали разводили въ садахъ своихъ эши деревья.

Мелодія 2-я. *Гетманство*.

Булава и Бунчуки были Гешманскія регалии. *Булава* палица съ шаровиднымъ или граненымъ набалдашникомъ: въ Грановитой Палатѣ есть одна принадлежавшая Гешману Скоропадскому; а *Бунчукъ* шестъ съ золочоною головкою, подъ кошорою виситъ конской хвостъ. Словарь Академическій говоритъ: что эшо не хвостъ виситъ подъ нею, а на подобіе хвоста *долгіе коневьи волосы*.

Мелодія 5-я *Степь*.

Воображеніе чшашеля не должно пугаться при словѣ *Степи*: эшо не шѣ пространства безбрежныя,

гдѣ нѣтъ ни воды ни зелени, а гдѣ только одинъ песокъ, кошорый движется, являя изъ себя горы разнообразныя и непостоянныя; у насъ пупинковъ не засыпаетъ вѣтеръ жаркимъ пескомъ; у насъ это слово означаетъ безконечное пространство зелени, произведенной рукою природы Украинской для Украинскихъ шабуновъ. Иностранцы, даже жители полуденной Франціи и Швейцаріи, не могутъ смотрѣть безъ восхищенія на эти необозримые дуга, гдѣ, кажется, никогда не оставяла слѣдовъ нога человѣческая. Чувство на такихъ сменахъ такое самое что и на вершинахъ горъ: кажется ошдѣляешься отъ смертныхъ, кажется ищешь границъ безпредѣльности; объ нихъ можно сказать пупинку слова Спранника Шиллера, въ его *Die Grösse der Welt*:

Steh! du segelst umsonst—vor dir Unendlichkeit.

Мицкевичъ въ своихъ Крымскихъ сонѣтахъ описалъ восхищеніемъ эти смена.

Плыву въ пространствѣ я сухаго Океана и пр.

Иногда встрѣчаются ряды холмовъ или уединенный курганъ, ошашки войнъ и прежнихъ набѣговъ, съ кошорыхъ теперь пастухи сперегушъ шабуны и ешада свой; съ такого возвышенія еще пріятнѣе глядѣть на смену. Многіе изъ пѣстнишелей восхищаются эшимъ совершенно, видя съ другой точки ешечи наши. «Сколько шысячъ можно ошкормить здѣсь рогашаго скоша, говоряшъ они, на убой для Москвы или Петербурга.»

Теперь не ради чисташелей, но для цѣнителей Русскаго слова и покровителей нашей машушки Грамматики, долженъ я сдѣлать еще одно примѣчаніе. Я поставилъ *Стель* въ мужескомъ родѣ и съ *еромъ* на концѣ, слѣдуя нашему Малороссійскому обычаю, раздѣляя значенія двухъ словъ *Стель* и *Степъ*. Первое мы принимаемъ какъ названье обширнаго пространства бездѣснаго, годнаго для пастбища, второе какъ пространство песчаное и безводное.

Мелодія 6-я. *Веснянка*.

Веснянка есть пѣсня, которую поютъ наши Малороссійянки, я разумѣю не замужнія, отъ Маршамѣсяца по Троицынъ день; ихъ у насъ много есть; при *Веснянки* изданы въ прекрасномъ собраніи Малороссійскихъ пѣсень, изданномъ Михайлой Александровичемъ Максимовичемъ, за которое такъ благодарны ему наши Малороссіяне, и которое доказало намъ, что на языкѣ Русской Италіи есть Поэтическія произведенія, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Веснянку поютъ на улицѣ у ворошъ избы; когда же земля зазеленѣетъ, тогда молодые мужчины не женатые, по нашему: *Паробки*, выроютъ вершковъ на шесть глубины ровъ, полукругомъ; дѣвушки послѣ дневныхъ работъ вечеромъ сойдутся вмѣстѣ, сядутъ на правѣ, спустятъ ноги въ ровикъ, для того чтобы ловче было сидѣть, мужчины станутъ

между ними въ полукругѣ и оба хора перекликаются.

Любя невинныя занятія нашихъ Украинскихъ поселянъ, я часто слушаю черезъ рѣку ихъ пѣсни, а иногда и раздѣляю ихъ увеселенія incognito; шакимъ - по образомъ успѣлъ узнать я обычаи, сельскій бытъ, преданія и повѣрья Малороссійскія; шамъ я выучилъ и напѣвы, столь стройныя, столь необыкновенно мелодическіе. Я знаю нѣкоторые изъ нихъ до снранности сходные съ Россійскими лучшими аріями; вѣроятно, что ни Спецько, а Грицько не слыхали Гадзаладры и Танкреда, ни Россини не слыхалъ ни Весильныхъ, ни Веснянокъ Черниговскихъ и Полшавскихъ.

Мелодія 7-я. Чигиринъ.

Чигиринъ, городъ Кіевской губерніи, стоишь при гнилой и болохистой, выше города, рѣкѣ Тясьминѣ, но чрезвычайно сильной и сердитой въ самомъ городѣ. Въ 1820 году, котораго весна прослыла въ народѣ большою весною, рѣка эша разорвала мостъ и съ ужаснымъ громомъ ворвавшись въ средину песчаной горы, ошнесла цѣлую часть ея съ церковью, съ нѣсколькими лавками, съ домомъ и садомъ Князей Манвеловыхъ, и съ кладбищемъ. Въ 21-мъ году я еще видѣлъ ошвы, которые шорчали изъ земли надъ рѣкою въ большемъ возвышеніи,

по кошорыхъ не лзя было предашь погребенію, по причинѣ наклоненія утеса и глубины рѣки; съ тѣхъ поръ средина Тясмина въ этомъ мѣстѣ обмелѣла, а у береговъ сдѣлалась глубина очень значительная; по щастію мало было погибшихъ. Вошь, между прочимъ, что подаешъ поводъ жаловаться на спраннысти нашихъ газетчиковъ: они печатають о похищеніи какой нибудь дѣвочки трехъ-лѣтней въ Эльбѣ, или о провалѣ новоявившемся возлѣ Равенны и Штудгарта, а что дѣлается въ Россіи, то для нихъ постороннее. Десна оставляешъ прежнее русло и проходитъ въ каналъ вырытый помѣщикомъ для осушенія болота, закупаешъ всѣ его земли и течетъ за версину въ сторону оной прежней рѣки; мы этого не знаемъ; не смотря на то мы знаемъ, что Десна рѣка судоходная. Тясминъ опорвалъ часть города; я долженъ остановиться въ Читринѣ съ полкомъ, чшобъ узнать объ этомъ. Во время моего тамъ кваршированія, я имѣлъ случай осмолрѣть окрестности Читрина; по спраннысти своей онъ замѣчательны. Городъ Христіанскій стоишь подъ высокой каменной горой, откуда добываются мельничныя жернова, и гдѣ когда-то былъ замокъ Богдана Хмельницкаго съ пемницами для плѣнныхъ Поляковъ. Черезъ рѣку нѣтъ моста: шуда перелѣзжають на поромахъ, по той причинѣ, что рѣка сносила мосты почти ежегодно. На той сторонѣ выстроены Жидовской городъ на сыпучихъ пескахъ, кошорыми вътеръ играешъ свободно, то намешая горы, то

передвигивая ихъ и всегда измѣняя дорогу въ ближнее село Адамовку. На право отъ песковъ Тясьминскія болота непроходимыя и посреди ихъ бѣдный, очень дурно выстроенный монастырь. Но съ горы, гдѣ жилъ геній Малороссіи, далѣко видно. Городище вершѣ около сорока ясно показывается съ своими церквями въ хорошую погоду; назади за горой есть лѣсъ, называемый Чушью, гдѣ были при Гетьманѣ козацкія курени, шунь же есть и старое кладбище; въ дали видна Суббошовская церковь, въ коной Гетьманъ былъ погребенъ.

Можно-ли представивъ, чѣмъ въ большомъ Россійскомъ Географическомъ Словарѣ, въ книгѣ впрочемъ сподъ важной, трудной для составленія и полезной, упущено было даже названіе Суббошова; шогда какъ къ эшомъ Словарѣ описаны подробно всѣ произшесшвія какого нибудь ничшожнаго монастыря? Въ немъ о Чигринѣ сказано шолько, чѣмъ эшо былъ прежде главный и крѣпкій городъ Малороссійскихъ козаковъ. Между шѣмъ въ эшомъ городѣ много случалось собышій, достойныхъ примѣчанія.

Тамъ принималъ Хмельницкій Польскихъ пословъ, тамъ погибло много Турковъ въ рѣкѣ Тясьминѣ; эшомъ городъ былъ свидѣтелемъ славы и кровопролитій, кошорые-бъ споили шого, чѣмъ объ нихъ вспомнишь.

Мелодія 8-я. Днѣпръ.

Днѣпръ, Данаприсъ, Борисень выходятъ изъ Смоленской губерніи, изъ окрестностей села Городки. Въ четвертой строфѣ я описываю соединеніе Десны съ Днѣпромъ подъ Кіевомъ въ пятой я говорю о его Порогахъ, въ шестой о паденіи Чорнаго моря; если разсматривашъ Днѣпръ въ отношеніи коммерціальному, то это одна изъ первыхъ рѣкъ во всей Россіи; протекая 1500 верстъ, считая изгибы теченія, она доставляетъ лѣсъ въ степи и изъ степей хлѣбъ въ неплодородныя губерніи. Суда могутъ ходитъ по ней во всякое время года; но есть два важныя препятствія для нихъ: 1-е песчаные отмели, кошоры съ каждой весной перемѣняющъ свое положеніе, и по бокамъ кошорыхъ всегда бываетъ глубина значительна; 2-е Пороги, кошорыхъ счотомъ 13; главный изъ нихъ *Ненасытскій*. Потомки подрывалъ ихъ минами и съ тѣхъ поръ замѣчательно уменьшилась вода въ рѣкахъ текущихъ къ Днѣпру. Пороги *Линній* и *Тавальшанскій* памятливы тѣмъ, что между ними Ташары переплывали рѣку; на одномъ изъ пороговъ показываютъ камень, къ кошорому приплылъ Пётръ Великій, вышелъ изъ шлюпки и закричалъ на немъ. Главныя рѣки, кошорыя онъ въ себя принимаетъ, суть Десна, Сула, Псѣлъ, Ворскла и Россъ, прелестный своимъ каршиннымъ теченіемъ и водопадами. Главныя пристани на Днѣпрѣ Херсонъ и Кіевъ, а между ними

Бериславль, Крыловъ для складки лѣсу и Кременчугъ для складки соли, лѣсу и горячаго вина. Я пославилъ Днѣпръ въ Малороссіи пошому, что только въ Малороссіи все его лучшее теченіе.

Если смотрѣть на Днѣпръ взглядомъ поэтическимъ, то это обширное море, въ которомъ можешь черпать воображеніе въ полномъ смыслѣ радужныхъ капли.

Днѣпровская Русалка, которая столько лѣтъ или десятковъ лѣтъ увеселяла нашу публику, приняла бышіе свое отъ Днѣпра; если ушарѣла Опера, то воспоминанія удовольствій, которыя она намъ когда то доставляла придаютъ ей большую цѣну; только недавно, благодаря Ал. Серг. Пушкину, переслали пѣть наши провинціальныя красавицы аріи изъ Днѣпровской Русалки. Но преданье о Русалкахъ, и теперь оставшееся во всей почти силѣ своей, не одному сочинителю этой Оперы дало мысль для произведеній поэтическихъ; одинъ писатель прелестно изобразилъ ихъ слѣдующими стихами:

Чорны косы разсыпаяся,
Съ обнаженныхъ плечъ бѣгушь;
По волнамъ перегибаяся,
Въ слѣдъ за дѣвами плывушь;
Грудь высокая колышется
Сладострастно между водъ,

Передъ ней волна упишится,
 И задумчиво пройдесть.
 Надъ водами руки бѣлыя
 Подымаюшся, падушъ,
 То стыдливыя, не смѣлыя,
 Дѣвы медленно плывущъ;
 То, въ восторгѣ юной радости,
 Будящъ пѣснями берега;
 Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости
 Довящъ мѣсяца рога.

(Таврида А. Муравьева. Стр. 86)

Въ этомъ описаніи нечего перемѣнить; нѣсколько
 ко.панцхъ пѣснь, могутъ поставишь писателя на
 высокую степень; игривость, ошдѣлка языка, и
 изобиліе картинъ находимъ мы въ совершенствѣ; ко-
 сы которыя плывущъ перегибаясь на волнахъ, вол-
 на которая припихнувъ прѣходитъ задумчиво мимо
лучшей волны, и забава которую красавицы нахо-
 дящъ въ томъ, чѣмъ ловишь рога мѣсяца: все это
 достойно пера высокаго; только жаль, что сочи-
 нить не зналъ, гдѣ останоуишь, и что строка
 слѣдующая послѣ гораздо лучшей и привлекущей вни-
 маніе читателя, кажется хвостомъ: ловящъ мѣсяца
 рога, *на пугиъ серебристые*. Главное искусство со-
 стоишь въ томъ, чѣмъ знать, гдѣ осадить Пегаса.
 Лучшее должно быть на концѣ, а не то и лучшее и
 окончаніе будешь другъ другомъ взаимно испорчены.

Есть къ Днѣпру и другая пѣса тогожъ сочи-
 нителя (стр. 82); она не такъ блестяща, но есть

етроки прелестныя, достойныя Днѣпра. »Рѣка далекѣхъ спольшій! Кшо пшон годы сочпешъ! Смерши послѣдній вздохъ—тебѣ знакомый звукъ.»—

Сколько историческихъ воспоминаній даетъ Днѣпръ уму нашему! Печенѣги, Крымцы, Поляки, Липовцы Славянѣ, кошорыхъ коней поили волны Днѣпровскія; Запорожская Сѣча, споль спрашная для плавашелей; Любечъ и Кіевъ; Олеговы суда плывущія по Днѣпру, чшобъ послѣ по сухому пуши подойши къ Визаншій; Владиміръ съ своими Вишязями, Добрыня, Соловей-разбойникъ, свивавшій на семи дубахъ въ лѣсу Кіевскомъ гнѣздо свое, Илья Муромецъ, Алѣша Поповичъ, Чурила Пленковичъ, Тугаринъ Змѣевичъ: все это смонрѣлось въ Днѣпръ какъ въ зеркало.

Надъ Днѣпромъ былъ корень эшого огромнаго распѣнія въ Историческомъ бышу, кошорое называется *Россією*.

Перунъ, въ кумирѣ кошораго подняли ревъ злые духи, когда понесло его по Днѣпру; храмъ прелестной Лады, кошорый стоялъ на берегахъ его, призывая къ себѣ всѣхъ красавицъ земли Русской; Полканы, кошорые носились надъ волнами его; Лель, кошорый являлся на цвѣшущихъ лугахъ его воображенію древнихъ нашихъ праощцовъ; Кикиморы, Вѣдьмы, Великаны, Лѣшіе когда-то собиравшіеся въ ужасномъ бору его, въ бору служившемъ долго убѣжищемъ для разбойниковъ. Эши горы, эши камни,

лса и пески: все это увлекало, разогрѣвало душу нашихъ поэтовъ.

Возьмите вы древнія наши стихотворенія. На первой страницѣ опдалъ Кирша Даниловъ честь Днѣпру:

Высоша-ли, висоша поднебесная,
Глубоша, глубоша океанъ море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омушы Днѣпровскіе.

Тамъ въ первые разлился на Русскихъ свѣтъ Христіанской вѣры, тамъ эти дивныя пещеры Святыхъ, надъ которми шумящъ волны Днѣпра; тамъ Кіевопечерская Лавра пріимаетъ путешественника своєю спѣною, своими садами и высокимъ крестомъ колокольни своей.

Всѣ наши лучшіе поэты опдали поклонъ Днѣпру: Громобой и Вадимъ Жуковского, Чернецъ Козлова, Русланъ и Людмила: все это жило надъ Днѣпромъ. Но я не помѣстилъ бы имени его въ моихъ Украинскихъ Мелодіяхъ, еслибъ вся краса его не являлась въ полнощъ: въ одной Малороссіи.

Въ Словарѣ Географическомъ есть довольно подробное описаніе Днѣпра. (II-й томъ, стр. 216.)

Мелодія 9-я. Удай.

Удай, рѣка текущая въ Полшавской губерніи въ Прилуцкомъ и Пыряшинскомъ уѣздахъ; эшо рѣка почти всегда лѣшомъ безводная, весною запопляющая плошины, гнилая, болошиспая, даже для хорошихъ мѣльницъ негодная; но мнѣ лично пріятная воспоминаніями дѣшства моего, и первымъ воспшаніемъ, полученнымъ мною опъ одного почтеннаго, по знаніямъ и по образу жизни, Прилуцкаго жшшеля, кошораго я называлъ бы, еслибъ ему эшо было угодно. Впрочемъ мѣшпа лежащія близъ Удай имѣюшъ свою цѣну, а особенно шѣ, кошорыя вшпрѣчаюшся по дорогѣ изъ Прилуки къ Ромнамъ, прелесшны разнообразношью холмовъ, лѣсовъ, долинъ и ручьевъ.

Мелодія 10-я. Сула.

Сула, рѣка, кошорая по силѣ своей могла бы бытъ въ поводѣ судоходною, еслибъ не плошины задерживающія суда. Начинаешся близъ Лебедина, впадаешъ въ Днѣпръ. Я здѣсь описалъ ее въ Лубнахъ, гдѣ она особенно прелесшна. На нее смотрѣшъ должно изъ дому покойнаго Докшора Голованѣва: шогда открываешся множештво сѣлъ на безбрежномъ пространствѣ; или съ луговой стороны, шшобъ видѣшъ монастырь примѣчательный Мощами Свяшаго Аванасія, сидящаго въ серебряной рактъ подъ шап-

кѣю, такъ чинѣ лица его невидно. Онъ-то не согласился уничтожить Пархіаршій санъ въ Россіи, будучи вызванъ къ сему дѣлу Пешромъ Великимъ, и проездомъ черезъ Лубны, полюбивъ тамошнія окрестности, онъ просилъ позволенія основать жилище свое въ этомъ городѣ, гдѣ и скончался. Достоинъ примѣчанія надъ Сулою ботаническій садъ по дорогѣ изъ Лубновъ въ монастырь, основанный вмѣстѣ съ Военною аптекою Пешромъ Великимъ и старательно поддерживаемый. Путь къ монастырю трудный, гористый, но пустынными видами своими привлекаетеленъ. Надъ Сулою споянъ также Ромны или Ромень, городишка скудный, пустой, мерзко обспрѣенный, но онъ перваго Іюля по 10 число Августа разнообразный, живой, богатый, служащій съѣздомъ всѣхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ, кошорые сбываютъ тамъ холстъ, шерсть и лошадей. Кн. Шаликовъ описалъ подробно это мѣсто. Въ Ромнахъ примѣчательно строеніе больничное, кошораго начало устроено стараніемъ благодѣтельнымъ и большими по состоянію пожертвованіями, сопряженными съ таковымъ же трудомъ—Полковника Панюшина. Другое, что привлекаетъ невольно взоры посѣщителя, это восхищительный видъ съ горы, гдѣ находится ярмарка, на Сулу и на предмѣстье такъ называемое *Засулье*.

Мелодія 44-я. Фед. Богданъ.

Не думаю, чтобы многіе имѣли у себя списокъ Исторіи Малороссійской Архіепископа Конисскаго; жаль, впрочемъ, что онъ не изданъ; имѣя это предположеніе, едва ли я рѣшусь исполнить его скоро, ибо не знаю, есть ли нѣ наследники, которые могутъ пользоваться исключительнымъ правомъ издавать книгу своего преемника въ продолженіи 25 лѣтъ по его смерти. Эта книга достойна большей извѣстности, по полнотѣ обзора и любопытнымъ подробностямъ или выпущеннымъ другими историками изъ виду, или изложеннымъ слишкомъ кратко. Шереръ говоритъ обо всемъ, что было до Хмельницкаго, мимоходомъ. Г-нъ Бантышъ - Каменскій начинаетъ Исторію съ Хмельницкаго. Конисскій не изданъ и такъ сослался на него не лѣзя; а не смотря на то, какъ пропустилъ имена Федора Богдана, Подковы, Шаха, Косинскаго, Наливайки, Лободы, Сагайдачнаго и другихъ имъ подобныхъ.

Я здѣсь переведу слова Шерера (томъ 2, стр. 8.)

» Выборъ козаковъ упалъ на Богданку (т. е. Федора Богдана); собравъ остатки войска Гетьмана *Сверговскаго*, онъ повелъ ихъ въ Крымъ и овладѣлъ онымъ: *Стефанъ Батторій* прислалъ ему булаву, знамя, бунчукъ и печашь..... при томъ же

Король козаки предприняли экспедицію въ Азію, овладѣли Трапезунтомъ, разорили Синопъ, и почти у ворощъ Коншаншинополя остановавшись, ограбили окресности и получили богашую добычу; эшо родило подозрѣнія въ умѣ Башпорія, который желалъ погубишь козаковъ; но узнавъ его намѣренія козаки послали старѣйшинъ для союзныхъ условий съ Донцами, что еще болѣе увеличило боязнъ Башпорія. Посланные возвратились съ успѣхомъ, и тогда козаки увѣренные въ помощи, на случай надобности, продолжали нападенія на Ташаръ; когда же Богданъ умеръ, на мѣсто его былъ избранъ *Подкова*, въ 1577 году.»

М е л о д і я 12-я. Мѣднѣй быкъ.

» 1594 годъ увидѣлъ новаго Гетьмана, *Наливайку*, который будучи однихъ мнѣній съ своимъ предмѣстникомъ, поступалъ одинаково. Онъ продолжалъ войну съ Поляками; онъ вступалъ въ многія съ ними битвы и оставался всегда побѣдителемъ; онъ выжегъ города Слуцкъ и Могилевъ, и причинилъ врагамъ много бѣдствій; но скоро щастье перешло на сторону враговъ его. Поляки захватили въ 1597 году между Дубномъ и Солоничами его и Полковника *Лободу* съ *Мазепою*; всѣ при оповезены были въ Варшаву, гдѣ и сожжены въ мѣдномъ быкѣ. (*Томъ 2-й, стр. 12, Шереръ.*)

Оставляя времени и случаю, я отложилъ на нѣсколько мѣсяцовъ, а можешь быть и лѣтъ, желанье написашъ еще нѣсколько мелодій въ честь нашихъ героевъ: одинъ Хмельницкій стѣбашъ большой Поэмы; но случиться можешь, что я опять когда нибудь возьмусь за перо, чтобы прославить моихъ праошцовъ и мѣста ихъ присутствіемъ освященные; быть можешь, что и первые мои опыты были неудачны, быть можешь, что и до сихъ поръ написанное не будетъ прочитано; по крайней мѣрѣ чувствую и безъ самолюбія скажу, что я надѣюсь получить одобреніе за цѣль мою ошъ моихъ соотечественниковъ.

Остальная часть Мелодій, нынѣ изданныхъ, имѣетъ цѣлью описанье обычаевъ и повѣрьевъ Украинскихъ.

К Н И Г А ІІІ.

Мелодія 1-я. *Доброй Домовой.*

Воображеніе проспонародное чрезвычайно изобильно въ Малороссіи: вездѣ вы найдете повѣрья, въ Германіи, во Франціи, въ Испаніи, въ Россіи; но сколько въ Малороссіи, вы съ трудомъ найдете гдѣ либо. Многія изъ нихъ суть оешапки идолопоклонства, инныя, бышь можешъ, рождены незапнымъ страхомъ одного, и переходя къ другому, ешали народными.

Можно полагашъ два начала предразсудкамъ и повѣрьямъ.

Воображеніе поэта одушевивъ многое неодушевленное, населило земной міръ существами ошдѣльными ошъ человѣческа; пущыни человѣкомъ рѣдко посѣщаемыя, несчастіе, страхъ, помѣшательство въ той спешени, когда оно имѣешъ сходство съ вдохновенностью—были, можешъ бышь, причиною другихъ повѣрьевъ.

Нешасная любовь приводишь молодого человека къ самоубійству; его опдѣляютъ ошъ шѣхъ, ко-го самъ Богъ къ себѣ призвалъ. Воображеніе дѣвушки, кошорая была причиною смерти, видѣло надъ могилой погибшаго огонь, или эшо, бышь можешь, былъ шолько метеоръ весьма обыкновенный; она призвала свидѣтелей: рѣшили, что эшо виновная душа не-искупленная. Но какъ искупишь ее? Черта между шѣломъ и душой, между живыми и мершвыми шакъ неизмѣрима; годъ цѣлой оставили помиться душу нещаснаго; многіе изъ презрѣнія, другіе изъ подражанія, кидали палки на могилу самоубійцы; въ назначенной день пришли съ священникомъ, чтобы опшѣть ему панихиду, чтобы помолиться объ опшущеніи грѣховъ его. Находяшь кучу сухихъ прущевъ и палокъ, набросанныхъ на холмъ; воображеніе велѣло ихъ сжечь, чтобы огнемъ земнымъ очистишь душу и избавишь ее отъ огня вѣчнаго. Бышь можешь, таковѣ было начало эшого обычая.

Ночью, проходящій черезъ лѣсъ видѣлъ въ скважинѣ дерева глаза блестящіе филина; испуганный онъ бросился назадъ, воображеніе прибавило къ блестящимъ глазамъ не человѣческія ноги, а что-то подобное ногамъ коня или козла, и рога превысокіе. Въ довершеніе шого онъ видишь на обрашномъ пущи вдали огонѣкъ; онъ спѣшишь шуда: метеоръ приводишь его въ болото. Эшо не съ нимъ однимъ случилось. Собирають голоса, совѣшующся, изыскивають причины; ни Физика, ни Еспешвенная Исто-

рія имъ не знакомы; это вѣрно существа, которыя сильнѣе челоѣка. Рѣшили, что въ лѣсу былъ Лѣшій, а въ полѣ Вѣдьма.

Вдохновеніе, всегда изображающееся, къ униженію гениальнаго вдохновенія, на лицѣ и во взорахъ помѣшавшихся, заставило, вѣроятно, имѣть какой-то родъ почтенія къ этимъ несчастнымъ. Мы видимъ всегда въ простомъ народѣ истину моихъ словъ. Ихъ видѣнія и грезы на яву, увѣренность въ нихъ, голосъ, рѣчь, странныя шѣлодвиженія, все это дѣйствуетъ на присутствующихъ, и многія изъ словъ ихъ остаются не только въ памяти, но и въ вѣрѣ народной.

Довѣрчивость къ тому что насъ пугаетъ, или къ тому чего мы желаемъ, есть слабость cadaго. Воображеніе любитъ играть челоѣческимъ умомъ до такой степени, что даже и Машемашикъ ему невольно плашитъ дань необходимую; страхъ есть одна изъ страстей, которая такъ-же скоро переходитъ отъ одного къ другому, какъ искра электричества проникаетъ въ мгновеніе цѣлую цѣпь соприкасающихся.—Все это очень располагаетъ душу челоѣка къ предразсудку, къ суевѣрію: ибо суевѣріе, всякое какое бы оно ни было, откуда-бъ оно ни происходило, составлено страхомъ и воображеніемъ, а укрѣплено довѣрчивостью.

Взойдешъ ли въ голову неграмотному крестьянину, что вчерашнее привидѣніе ночное естъ ничто иное, какъ давленіе крови. Онъ не знаешь, что значить давленіе. Но сегодня пришли къ нему съ хорошею вѣсъю или съ деньгами. Это доброй Домовой явился къ нему.

Моя Мелодія основана на предразсудкѣ, что если Домовой здернешъ съ насъ одѣяло и закроешъ намъ грудь космашою своею лапою, то будешь добро. Это ясно, что вмѣсто Домоваго намъ на грудь наляжешь кровь, и мы кидаясь отъ непріятнаго чувства, сами съ себя здернемъ одѣяло; но дѣло Поэзіи принявъ предразсудки своего отечества, ибо и покойный Гомеръ принималъ повѣрья своихъ соотечичей.

Я говорю, что моему Козаку батраки много принесли золоти за соль и за рыбу. Это два главныхъ промысла нашихъ *гумаковъ*. Они ѣздятъ въ Крымъ за солью и на Донъ за шаранью.

Мелодія 2-я. *Перелетная звѣзда.*

Есть повѣрье, будто-бы всякая звѣзда, падающая съ неба, показываетъ, что одна изъ Мадороссіанокъ потеряла дѣвство.

Мелодія 3-я. Весна.

Малороссіяне слышать въ пѣніи овсянки слова :
Покинь санки, возьми возъ! Въ шоже время ледъ дѣ-
 лаешся шакъ шонокъ, *што щука хвостомъ его раз-*
биваетъ. (См. Малороссійскія пѣсни, собранныя Мак-
 симовичемъ, стр. 218).

Мелодія 4-я. Колода.

Съ Понедѣльника, обѣ Масляной, дѣвушки навя-
 зываютъ на ногу молодымъ людямъ кусокъ дерева,
 изображеніе цѣпей супружества, для того чѣмъ шѣ
 женились. Эта пѣса написана одной особѣ, всегда
 живущей въ Москвѣ; и шакъ Украинки не должны
 досадовать на меня за два стиха:

Нѣтъ у насъ такой пѣвицы

На Украинѣ; шы Москаль.

Я доказаль, дѣломъ что еси; а слова поэта, ко-
 гда онъ пишетъ стихами, не столь вѣрные дока-
 зательства, какъ поступки его.

Мелодія 5-я. Русалки.

Въ примѣчаніи къ Мелодіи, Днѣпръ: я сказалъ кое-
 что о Русалкахъ мимоходомъ, и привелъ стихи Му-
 равьева, описывающіе Русалокъ столь прелестными

и яркими красками. Гораздо послѣ того вышла новая пьеса изъ печатни, подъ именемъ *Русалка*, соч. господина Байсаго. Она помѣщена въ Альманахъ Подсѣжники, на 1829-й годъ.

Слогъ, сравненія и картины мнѣ очень нравились: и я бы ихъ очень хвалилъ, если бы надѣялся на свой вкусъ, какъ весьма многіе надѣются. Конечно, сравненія взятыя изъ Украинской природы, напримѣръ *Она росла какъ терешня* (стр. 59), не могутъ не нравиться Полшавцу, Черниговцу или Кіевлянину. Описаніе Колдуна (стр. 70 и 71) также мнѣ кажется достойнымъ примѣчанія. Прозбы Горпинки (стр. 77) прекрасно описываютъ Русалокъ, и описаніе этой Русалки, приневоленной годъ проводить на землѣ, по моему мнѣнію, можно признать совершенно живописнымъ. Къ тому же новостъ идеи, почерпнутой изъ народнаго суевѣрія, можешь ли не понравиться въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда старое всѣмъ уже наскучило.

И такъ я выпишу изъ этой повѣсти подробное описаніе Русалокъ.

« Отпусти меня погулять по лѣсу, покачаться на зеленой недѣлѣ (вошь полкованіе на мой стихъ : Въ лисахъ по вѣшьямъ хохотливо качаясь) и сно-

ва погрузишься въ подводныя наши селенія Опустись къ намъ на дно Днѣпра. Тамъ весело, тамъ легко, тамъ всѣ молодѣють и становятся такъ же рѣзвы, какъ спруйки водяныя, такъ же игривы и беззаботны, какъ молодыя рыбки. (Это сравненіе истинно наше и взято даже изъ нашей пѣсни народной: *На бережку у ставка, гдѣ дѣвушка плещется какъ рыбка*). У насъ и солнышко сіяетъ ярче, у насъ и утренній вѣтерокъ дышетъ привольнѣ. Здѣсь во всемъ нужды: то голодь, то холодъ. Тамъ мы не знаемъ ни какихъ нуждъ, всѣмъ довольны, плещемся водой, играемъ радугой, ищемъ по дну драгоценностей и ими утѣшаемся. Зимой намъ тепло подо льдомъ какъ подъ шубой, а лѣтомъ въ ясныя ночи мы выходимъ грѣться на лучахъ мѣсяца, рѣзвимся, веселимся и для забавы часто шумимъ надъ живыми. Чшо въ томъ бѣды, если мы подь часъ щечочемъ ихъ или уносимъ на дно рѣки? Развѣ имъ ошъ шого хуже? Они становятся такъ же легки и свободны, какъ и мы сами.» (ср. 77-78).

Вотъ еще другая выписка изъ Подснѣжника (ср. 84).

»Простой народъ въ Малороссіи думаетъ, что Русалки сушь утопленницы и удушенницы, произвольно лишившія себя жизни. Одни говорятъ, что у Русалокъ зеленые волосы, другіе просто наряжаютъ ихъ въ большіе зеленые вѣнки; онѣ по мнѣнію Малороссіянъ бѣгаютъ по лѣсамъ на *зеленой недѣлѣ*

(ш. е. Троицынъ день), аukaють, качаюшся на деревьяхъ, и если поймають челоуѣка, шо щекочуть его до смерши. По сему Молороссіане бояшся въ продолженіе сей недѣли опкликашся на лѣсное аukanье.

Эшо примѣчаніе очень справедливо; но Г-нъ Байскій забылъ сказать, что Русалками дѣлають Малороссіане и шѣхъ дѣшей, копорые умирають до рожденья, и шѣхъ кошорыхъ не успѣли окрестиши.

Вошъ еще замѣчаніе на счетъ Русалокъ: (*Пѣсни соб. Максимов. стр. 229*).

»Русалки, живуція въ Дѣвпрѣ, въ Троицынъ день расходяшся и бѣгають по лѣсамъ и по полямъ до Пешрова дни. По сему сія недѣля называешся *Русальнойю*, а пѣсни шогдашнія *Русальными*.«

Въ N 4 Вѣстника Европы на 1827, Г-нъ Снѣгиревъ написалъ спашью о Русалкахъ, кошорая очень достойна вниманія, и я, по примѣру Мих. Александр. Максимовича, предлагаю любопышнымъ взглянушь на эшу спашью; ограничусь шѣмъ только, чтоошъ показашъ оспроуміе Русалокъ въ слѣдующей пѣснѣ.

Ой бижушь, бижушь мыла дивчинка,
А за нею да Русалочка.

Ты послухай мене, красна панночко!
Загадаю шоби шры загадочки;
Якъ угадаешъ — до башька пуцу,
Колы жъ не вгадаешъ — до себе возьму.

Ой що росте безъ кореня?
А що бижышь безъ поводу?
А що цвише да безъ цвишу?
Камень росше безъ кореня,
Вода бижышь безъ поводу,
Панорощъ цвише безъ цвишу.

Панночка Русалочки не вгадала,
Русалочка панночку залоскошала.

Здѣсь пѣсня съ небольшими измѣненіями (въ словахъ) прошиву напечатанной у Г. Максимовича, но я ее имѣю ошъ сельскихъ пѣвицъ.

Ее поюшь хоромъ, одна дѣвушка играетъ роль Панночки, другія роль Русалокъ.

Эта пѣсня показываетъ, что Русалки любяшь давашь загадки: спрасть недавно окончившаяся въ нашей Литшпературѣ.

Наши Русалки не въ одномъ Дитпрѣ живутъ: онѣ бываюшь и въ Сейму, и въ Сулѣ, и въ Деснѣ, и въ озерахъ; многіе же полагаюшь, что есь и лѣсныя и спешныя.

Теперь взглянемъ на сходство Греческаго повѣрья объ Наядахъ-пѣхъ же Русалкахъ. Я говорю повѣрья: ибо все то есть повѣрье, чему не вѣришь никто изъ людей истинно просвѣщенныхъ; а вѣра Сократа, Пифагора, Платона, Діогена не состояла въ бышій Наядъ или Лимпиадъ. Верховное предопредѣленіе, руководствующее Зевесомъ, для нихъ было главною осью религіи; остальное щипали они суевѣріями, просонародными но поэтическими. Если мы имѣемъ право щипать Гомера идолопоклонникомъ, почему же насъ не щипать пѣхъ же для господъ потомковъ нашихъ, когда прочтуть они Греколюбиваго Парни, суевѣрнаго Гёше или молишву Ал. Пушкина къ его Домовому? Они вѣрютъ всему какъ поэмы, ибо поэтъ долженъ быть довѣрчивъ какъ дитя; они вѣрютъ истинѣ одной ничѣмъ не украшенной, какъ люди просвѣщенные. Нѣтъ поэзи безъ суевѣрія.

Wo kein Wunder geschieht, ist kein Beglückter zu sehn, сказалъ Шиллеръ. Давайше чудесь въ стихахъ своихъ для читашелей! Еще приведу слова вѣчныя, которыя особенно приличны истинному поэту, и должны служить главнымъ правиломъ въ жизни его поэтической:

«Аще не обратишеся и будеша яко дѣти, не внидеша въ царствіе небесное.» (Ев. Матв. гл. 18, ст. 3).

Что же касается до вѣры Идолопоклонниковъ въ Ореадъ, Лимніадъ или въ Гебеу и Ганимеда, я ее отвергаю не безъ основанія, слѣдуя словамъ Плинія, кошорый говоришь слѣдующее:

» Quapropter effigiem Dei formamque quaerere imbecillitatis humanae reor; quisquis est Deus et quacumque in parte, totus est sensus, totus visus, totus auditus, totus animus, totus animi, totus sui. Innumeros quidem credere... majorem ad socordiam accedit. (« *Naturalis Historiae lib. 2. c. 7. de Deo*).

Т. е. Изысканіе образа и вида Божіяго приходишь къ сумазбродству; Богъ, кто-бъ и гдѣ-бъ онъ ни былъ, есть весь чувство, весь зрѣніе, весь слухъ, весь духъ, весь разумъ, весь Онъ. А въ безчисленныхъ вѣра снисходишь еще къ большей глупости.

Или:

« Deus est mortali juvare mortalem, et haec ad aeternam gloriam via. » (Id. Ib.)

Т. е. Божественъ изъ смертныхъ благодѣшеть смертныхъ, и эшо пушь ко славѣ вѣчной.

По эшимъ словамъ видна истинная Вѣра Грековъ и Римлянъ. По Гомеру видны повѣрья ихъ такъ, какъ и по Овидію. Взглянемъ на сходство нашихъ повѣрьевъ и уличимъ педаншовъ, не позволяющихъ

намъ пользоваться поэтическими вымыслами нашихъ согражданъ, какъ пользовались великіе люди Древности своими.

Налды богини рѣкъ и источниковъ, молодыя, хорошенькія, съ нагими ногами, волосы въ вѣнки изъ простника и распущены на плечи. *Лимнакиды*, *Лимнады*, *Лимнеси*, *Лимніаки*—нимфы прудовъ и озеръ, *Пегеи* богини ключей, *Потамиды* нимфы большихъ рѣкъ, равно изображались. (См. Dict. de la fable. Par Noël).

.... quarum pars nare videtur,
Pars in mole sedens siccare capillos,
Pisce vehi quaedam....

(Ovid. *Metamorph.* lib. II. lig. 11)

Т. е. однѣ изъ нихъ плавали, другія сидя на утесахъ, власы осушали зеленувашые, другія неслись на рыбахъ.

Теперь ясно сходство съ ними нашихъ Русалокъ; послѣднія играя дѣшски, кажутся только живѣе первыхъ. За что же классики не любятъ Русалокъ, Домовыхъ? За то, что онѣ не оканчиваются на *осѣ*, *усѣ* и *адесѣ*.

Мелодія 6-я. Вѣнки.

Между рожью цвѣтутъ васильки; дѣвушки вьютъ изъ нихъ вѣнки въ праздники, и это подало мнѣ мысль къ Мелодіи; извѣстіе о печатаніи Малорос-

сійской Исторіи Г-на Бантыша Каменскаго даешъ мнѣ надежду, что скоро увидяшъ и въ Россіи изображеніе нашихъ косарей идущихъ къ сѣнокосу, которыхъ я описалъ шеперь.

Мелодія 7-я. *Кукушка.*

Когда кукушка кричитъ, спарушки питаются, сколько разъ она крикнешъ, приговаривая: зозуля! ковуля! скажи мени, сколько лишъ. . . и проч. Это они полагають пророческимъ щомомъ лишъ ихъ жизни.

Мелодія 8-я. *Любощи.*

Если Медетъ былъ неудаченъ секретъ о составѣ справъ производящихъ любовь, можешъ ли онъ бытъ удаченъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ? *Любощами* называется у насъ все то, что дается для произведенія спрасши любовной или для ея усиленія. Дѣвушки натирають какимъ-то тѣстомъ своихъ возлюбленныхъ, даютъ имъ въ пишь шайные порошки, подкладываютъ справы подъ голову и очень часто ихъ оправляютъ противъ воли.

Мелодія 9-я. *Змѣй.*

«Сегодня ночью змѣй лешѣлъ!» такъ говорятъ на нашей родинѣ, когда метеоръ отъ болома поднявшисъ въ видѣ огненнаго шара, пролетишъ надъ де-

ревнею. За нимъ слѣдъ фосфорной — это хвостъ ;
искры вокругъ него — вѣроятно изъ устъ и нозд-
рей. Не знаю, какимъ образомъ добряки примѣтили,
что у змѣя пѣшь спины: шолько они мнѣ объ эшомъ
подробно рассказывали.

Мелодія 40-я. Домовой.

Я здѣсь описалъ фигуру, лице и назначеніе До-
моваго, какъ оно ешь въ преданіяхъ. Ал. Серг.
Пушкинъ написалъ прелестную пьесу: Моливу До-
мовому; напоминашъ любителямъ Поэзіи объ ней не
къ чему, но какъ удержаться отъ удовольствія чи-
тать, переписывать, и даже, признаюсь, перепеча-
тать хоть что либо изъ прелестныхъ произведе-
ній любезнаго, близкаго для всѣхъ Рускихъ По-
эта.

Помѣстья мирнаго незримый покровишель,

Тебя молю, мой добрый Домовой:

Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой,

И скромную семью моей обитель.

Да не вредить полямъ опасный хладъ дождя

И въпра поздняго осенніе набѣги,

Да въ пору благоворны снѣги

Покроютъ влажный шукъ полей!

Останься, шайный спражъ, въ наслѣдственной сѣни,

Поспигни робостью полуночнаго вора,

И отъ недружескаго взора

Счастливыи домикъ охрани!

Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,

Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ

И сей укромной огородъ
 Съ калишкой вешкою, съ обрушеннымъ заборомъ.
 Люби зеленой скашь холмовъ,
 Луга измятые моею бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и клёновъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.

Лары и *Пенаты* были поже, что Домовые. Смотри по назначенію, они назывались у Римлянъ различно. *Урбани* берегли города; *Семпиталесъ* стерегли перекрестки; *Віалесъ* стерегли дороги; *Руралесъ* глядѣли за деревнями; *Гостилесъ* были неприязненные.

Наши Домовые передъ чумою, передъ войною, передъ пожаромъ, выходящъ изъ селенія и воюющъ на выгонахъ. Если же въ одномъ семействѣ бѣда готовится, Домовой извѣщаетъ хозяевъ своихъ спукомъ, ѣздою на хозяйскихъ коняхъ, или приказаньями, которыми раздаеши онъ всѣмъ дворнымъ собакамъ: ямырыши посреди двора и передъ дверью, и вышь.

Тотчасъ собираются шарики и спарушки, слушающъ вой и различающъ каковъ онъ. Если съ лаемъ и подвизгомъ — это на звѣря; если протяжно, безъ визгу и лаю, и опуская голову внизъ — это передъ несчастіемъ.

Домовые большею частію живутъ на чердакахъ; днемъ ихъ не видно, а ночью опасно на чердаки ла-

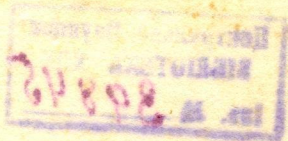
зипь, чтобъ не повспрѣчаться съ ними; они не здѣлають никакой непріятности, но могутъ испугать.

Жаль, что Ал. Серг. Пушкинъ вмѣсто слова *Домовой*, ради классическихъ спомаховъ не поставилъ *Семиталесъ*, *Віалесъ* или по крайней мѣрѣ *Рура-лесъ*. А вѣдь эшо поже и одно.

Мелодія 11-я. Поминальный день.

Я описалъ стихами такъ подробно эшотъ прогашельный обычай, что не осмѣается мнѣ ничего прибавлять къ поясненію. Но опасаясь тѣхъ господъ, которые сердились въ старину на Жуковского за мершвецовъ, возвращающихся къ своимъ пра-внукамъ, я долженъ ихъ утѣшить. Я не обращаюсь ни къ одному изъ нихъ въ особенностяхи, а ко всѣмъ вмѣстѣ; да впрочемъ они примѣшны, какъ вѣхи старыя поставленныя въ новыхъ городахъ между домами.

Мое для нихъ утѣшеніе вопъ въ чемъ состоишь: *Апулей* говоритъ, что *Лары* суть души людей добродѣтельныхъ; злодѣи же послѣ смерти скипаются и пугають людей. (См. *Lares. Словарь Мюн. Поэты.*) Я рѣшишельно признаю эшо Малороссійское повѣрье почерпнушымъ опъ *Апулея*; а все, чему вѣрили Римляне, для меня священо.

Мелодія 12-я. *Иванъ купала.*

» Папоротникъ передъ свѣтомъ« и прог.

Вошь цвѣшокъ, который только въ полночь на Ивановъ день цвѣшетъ огненнымъ цвѣшомъ. По Руски же называется кочедыжникъ, а по Лашыни *Filix*. За то въ Россіи ужъ не цвѣшетъ папоротникъ, а даетъ плоды посредствомъ тайнаго цвѣщенія, *Cryptogamia*.

День Ивановъ есть день привидѣній.

Въ Ивановъ день Вѣдьмы осправляются на при дни въ Кіевъ; въ шубахъ ошъ Іюнскаго холода, на мешлахъ и на ухвахахъ, ибо не имѣють другаго экипажа; не знаю, для чего онѣ выкрадываютъ *луш-ни*, впрочемъ нужны не для нихъ, а для крестьянъ, пошому что лушня поддерживая верхнимъ концомъ своимъ верхній брусокъ воза, а нижнимъ упираясь въ ось колеса, не даетъ возу качаться и опрокидываться.

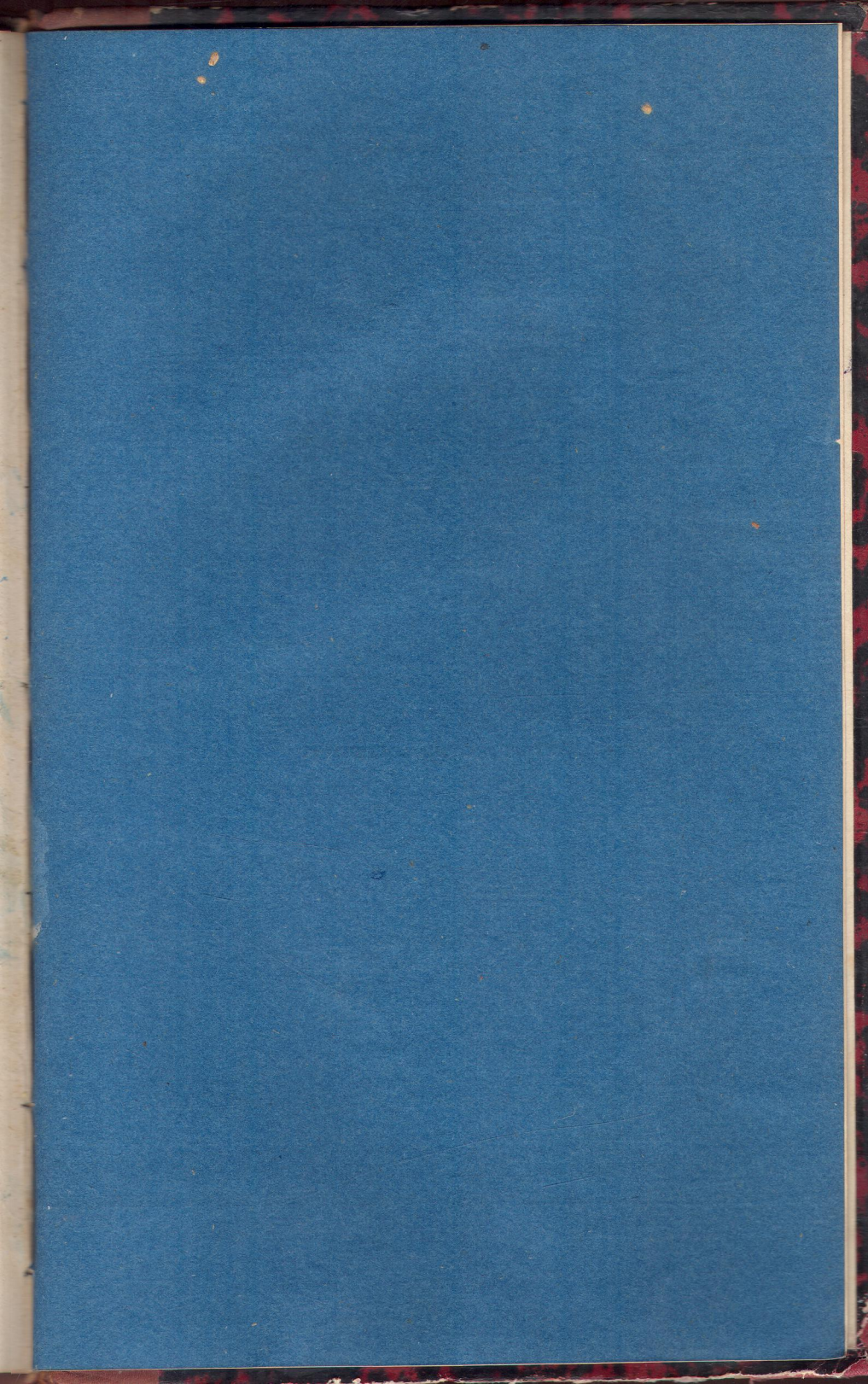
Прыганіе черезъ костры и крапиву есть занятіе молодыхъ людей и дѣвушекъ въ эшошъ день.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 26 строка 2. чишай: ропшанье

- 29. — 7. — хранишь и чмынешь ,
 - 44. — 19. — слышенъ
 - 47. — 8. — это чувство ,
 - 48. — 8. — зовешь
 - 51. — 9. — спучашъ ,
 - 56. — 2. — глинистыхъ
 - 69. — 10. — перелетная звѣзда ,—
 - 70. — 10. — ужъ хвостомъ
 - 71. — 8. — дастъ
 - 125. — 11. — ни Спецько, ни Грицько
-

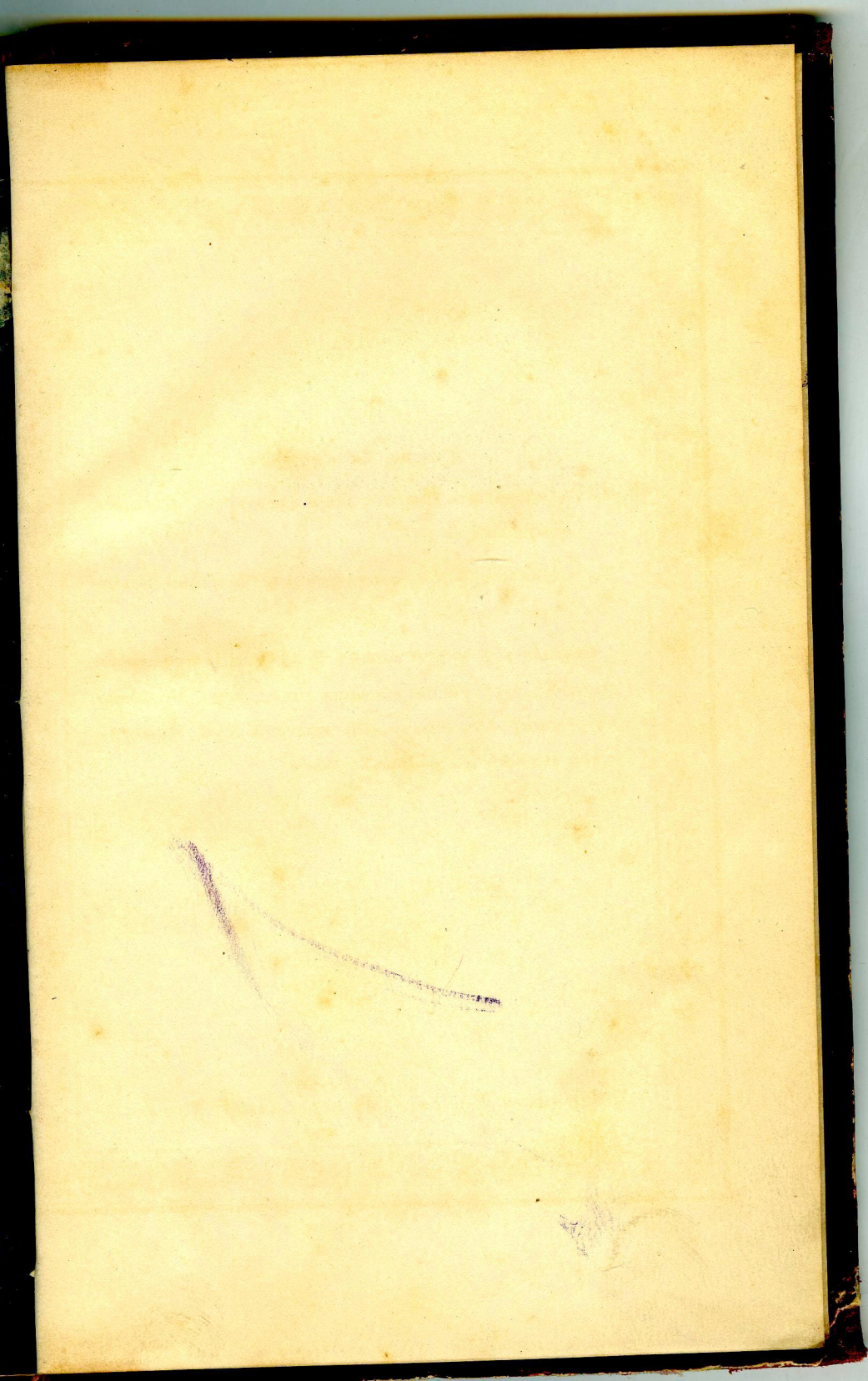

Тогоже Сочинителя:

1. Переводы изъ Байрона подъ названіемъ: *Стихотворенія*. 5 руб.
2. Стихотворенія Эротическія и Паризіана, поэма Лорда Байрона; 3 рубли.

Первыя двѣ книги можно получать и опъ сочинителя, адресуя требованія по адресу: Николаю Андреевичу Марксвичу, Подпавской Губ. Прилуцкаго Повѣта, въ село Туровку.

Цѣна книги 7 рублей, съ пересылкою 8 руб.

6p

2